

будущее же, напротивъ, все, который живетъ только надеждой, такой народъ вѣченъ, какъ сама надежда. Законъ и упованіе на пришествіе Мессіи служили сокрушеннымъ ангелами хравителями и утѣшителями, охраняя ихъ отъ отчаянія, отупѣнія и самоуничтоженія. Законъ для настоящаго и надежда на Мессію въ будущемъ, при занятіяхъ наукой и поэзіей, разливали бальзамъ на израненное сердце несчастнѣйшаго народа. Такъ какъ обширный міръ для поработаннаго народа превратился въ мрачную, грязную тюрьму, въ которой онъ не могъ удовлетворить свое стремленіе къ дѣятельности, то болѣе одаренные изъ этого народа уединились во внутренней міръ мысли, который расширился по мѣрѣ того, какъ вѣншній міръ тѣснилъ ихъ растерзанное тѣло. Такимъ образомъ, возникло дѣйствительно рѣдкое явленіе: преслѣдуемый превосходилъ преслѣдователя, угнетенный почти имѣлъ состраданіе къ угнетателю, узникъ чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ тюремщикъ. Отблескъ этой высокой умственной жизни образуетъ еврейская литература, сдѣлавшаяся не только потребностью для болѣе одаренныхъ, но цѣлебнымъ источникомъ для всего страдающаго народа; вслѣдствіе разсѣянности еврейскаго народа по обитаемой землѣ еврейская письменность стала по истинѣ міровой литературой. Она образуетъ ядро еврейской исторіи, горькую скорлупу которой образуетъ мартирологія. Въ эту гигантскую литературу весь еврейскій народъ вложилъ свой духъ, свою внутреннюю сущность. Ученіе іудаизма тутъ переработано, облагорожено, видимо даже близорукому, представляясь незначительнымъ лишь тому, который привыкъ низводить возвышенное, выдающееся міровое чудо въ низменный кругъ явленій. Слѣдующіе одни за другими факты и событія должны быть нанизаны на нить этой письменности, она даетъ прагматическую связь и не должна поэтому быть разсматриваема лишь какъ приложение къ главной исторіи. Появленіе новаго значительнаго произведенія имѣло значеніе не только отдѣльнаго интереснаго обстоятельства, но и факта, имѣвшаго въ этомъ кругу обильныя послѣдствія дѣйствія. Еврейская литература, рожденная въ печали и смертельной агоніи, разнообразная какъ страны, въ которыхъ она возникла, пестрая какъ костюмы народовъ, среди которыхъ она процвѣтала, богатая какъ воспоминаніе тысячелѣтняго опыта, носить въ себѣ несомнѣнные слѣды единственнаго производителя, именно іудаизма; одна и та же характерная черта придана всѣмъ формамъ, отражающимъ павшіе на нихъ лучи его идеала. Такимъ образомъ, она составляетъ существенную принадлежность этого періода; поэтому, по его дѣятельности и характерной особенноти, можно его назвать *теоретически-религіознымъ*, въ противоположность второму, послѣ изгнанія, который скорѣе имѣлъ *политически-религіозный* характеръ, и первому, до изгнанія имѣвшему исключительно *политическій* характеръ.

Какъ разнообразна и обширна ни была эта литература, въ ней можно однако отличить три главныхъ направленія, три теченія, не измѣняющіяся замѣтно отъ притоковъ изъ другихъ областей. Каждое изъ этихъ главныхъ направленій можетъ быть разсматриваемо какъ *главная наука*, къ которымъ остальные относятся какъ *второстепенные отдѣлы*. Преобладающія дѣятельности этого длиннаго періода были: прежде всего постепенное развитіе *Талмуда*, затѣмъ *философское толкованіе* сви-

щенаго Писанія и самостоятельное *философствованіе*, наконецъ, *односторонне-раввинская* дѣятельность при совершенномъ пренебреженіи изслѣдованіемъ Библии и самостоятельнымъ мышленіемъ. Этотъ періодъ раздѣляется поэтому на три пространныхъ эпохи: *чисто талмудическую, научно-раввинскую* и *односторонне-раввинскую*. Само собою понятно, что эти три главныя направленія получили свое начало не внезапно, а подготовлялись постепенными переходами. Развитіе чисто талмудическаго направленія, доходящее до эпохи гаоновъ, претерпѣваетъ незначительное уклоненіе вслѣдствіе столкновенія между отрицающимъ Талмудъ караимствомъ и раввинскими мыслителями. Отъ этого возбуждался интересъ къ толкованію Библии и философій, прорвавшійся полными потоками лишь съ паденіемъ гаоната. И на горизонтѣ очищеннаго философій іудаизма собираются уже мрачныя тучи антинаучнаго теченія, осаждающіяся въ видѣ тумана недоступнаго солнечнымъ лучамъ раввинизма и безтолковаго мистицизма.

I. Талмудическая эпоха обнимаетъ время отъ основанія сиведріона и учебнаго заведенія въ Ямвѣ до паденія гаоната и вавилонскихъ талмудическихъ высшихъ школъ (70—1040).

II. Раввинско-философская эпоха обнимаетъ время отъ утвержденія раввинскихъ и научныхъ школъ въ Испаніи до раскола между свободнымъ и правоборнымъ (1040—1230).

III. Односторонне-раввинская эпоха развивается въ борьбѣ со свободнымъ изслѣдованіемъ и достигаетъ своего конца только съ наступленіемъ новаго времени при Мендельсонѣ (1230—1780).

ПЕРВАЯ ЭПОХА ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА.

Талмудическая.

Въ эту, почти тысячелѣтнюю, эпоху умственная дѣятельность евреевъ занимается, преимущественно и почти исключительно, теоретическимъ устроениемъ религіозной жизни, опредѣленіемъ перешедшихъ, по преданію, правилъ по всѣмъ развѣтвленіямъ и примѣненіямъ. Въ началѣ этой эпохи замѣтно стремленіе еще разъ попытаться отвоевывать утраченную политическую жизнь; но оно привело лишь къ столкновеніямъ, возмущеніямъ, войнамъ и пораженіямъ и скоро уступило мѣсто чисто духовной дѣятельности. Тогда начали съ прилежаніемъ пчелъ собирать преданія, очищать, освѣщать и примѣнять, приводить въ порядокъ вновь прибавившіяся объясненія и примѣненія, заключать въ одно цѣлое и, наконецъ, пзъ накопившагося громаднаго матеріала сдѣлать извлеченія для примѣненія въ жизни. Эта гигантская работа по составленію Талмуда, надъ которымъ трудились болѣе двадцати поколѣній, учителя и ученики, чиновники и ремесленники, палестинцы и иностранные евреи со всей своей энергіей, съ пожертвованіемъ радостямъ жизни, должна быть разсматриваема не какъ игра праздныхъ ученыхъ или затѣя властолюбивыхъ священниковъ, а какъ твореніе національнаго духа, въ которомъ, какъ въ образованіи языка, весь народъ принималъ участіе. Въ ней проявляется измѣненное направленіе въ ходѣ развитія еврейской исторіи, именно въ сторону мышленія и изслѣдованія. Передавать, объяснять, сравнивать и различать—вообще, теоретическое занятіе отнынѣ образуетъ главное направленіе за тысячелѣтіе, которое ничѣмъ не уклоняется отъ разъ намѣченнаго пути. Оттѣсненное на мгновеніе, это занятіе выступало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше было давленіе, тяготѣвшее на немъ. Но талмудическая дѣятельность въ первомъ своемъ приступѣ была такъ сильна и исключительна, что никакая отрасль знанія, даже такая, которая могла ей служить поддержкой, не находила мѣста рядомъ съ нею. Даже толкованіе Библии и вѣрное понятіе священнаго текста на основаніи филологіи только слегка были затронуты. Еврейская философія, т. е. свободное изслѣдованіе сущности іуданзма, вѣчно истиннаго и вѣчно цѣннаго въ немъ, не могла имѣть успѣха въ такое время, когда необходимо было оправиться послѣ крушенія и предупредить новыя бури, несмотря на то, что александрійцы съ Филономъ во главѣ уже положили нѣкоторый фундаментъ для сооруженія такой философіи. Для того, чтобы въ кругъ достойнаго изученія было введено толкованіе Библии съ еврейской филологіей и философіей, необходимъ былъ толчекъ со стороны новаго, талмудическому направленію враждебнаго элемента. Каранство было этимъ новымъ элементомъ броженія, производив-

шимъ новыя формы и положенія. Поэтому можно по справедливости назвать первую эпоху этого періода *талмудической*, такъ какъ главное направленіе ея исторіи относится къ Талмуду, какъ главной книгѣ, и къ развитію его ученій. Лишь къ концу этой эпохи, подъ вліяніемъ происшедшаго столкновенія съ караимствомъ, пробуждался также интересъ къ вспомогательнымъ наукамъ, къ толкованію Библии, къ грамматикѣ и даже къ составленію еврейской философіи, но ничто изъ этого не достигло зрѣлости. Наступили вышнія и внутреннія замѣшательства, отводившія теченіе еврейской исторіи въ другое русло; съ того времени она измѣнила свой вышній и внутренній видъ. Іудея и Вавилонія, города на Іорданѣ и Евфратѣ, бывшіе до сихъ поръ единственной ареной исторіи, теряютъ свое значеніе. Еврейское умственное движеніе переходитъ съ крайняго востока къ крайнему западу, изъ Вавилоніи въ Испанію, распускаетъ тамъ новыя цвѣты и приноситъ новыя плоды. Первая эпоха разсѣяности (діаспоры) по своему содержанію талмудическая, по географическому положенію іудео-вавилонская.

Талмудическая эпоха насчитываетъ девятьсотъ семьдесятъ лѣтъ и раздѣляется на четыре меньшихъ отдѣла:

1. Время Танаитовъ, отъ паденія государства и учрежденія синедріона въ Ямніи до окончанія Мишны (70—200).
2. Время Амореевъ, отъ окончанія Мишны и учрежденія академіи амореевъ въ Вавилоніи до окончанія всего Талмуда (200—500).
3. Время Сабуреевъ, отъ окончанія Талмуда до развитія гаоната подъ владычествомъ арабовъ (500—650).
4. Время Гаоновъ, отъ начала гаоната до его паденія (650—1040).

Первое время,

ОБНИМАЮЩЕЕ ТРИ ПОКОЛѢНІЯ ТАНАИТОВЪ.

Иудея остается большею частью театромъ событій.

ГЛАВА I.

Первое поколѣніе Танаитовъ. Основаніе учебнаго заведенія въ Ливѣ; раби Іохананъ бенъ-Закай. Императорскій домъ Флавіевъ. Последніе иродіане.

Несчастный исходъ такъ упорно веденной четырехлѣтней войны противъ римлянъ, гибель государства, разрушеніе храма, осужденіе военнопленныхъ къ тяжкимъ работамъ на свинцовыхъ заводахъ Египта, къ продажѣ въ рабство или къ борьбѣ съ хищными звѣрями такъ ошелмляюще повліяли на оставшихся евреевъ, что они чувствовали себя совершенно безпомощными и не знали, что имъ теперь предпринять. Иудея опустѣла, всѣ, взявшіеся за оружіе, на сѣверѣ и на югѣ, по сю и по ту сторону Іордана, пали на поляхъ брани или въ качествѣ рабовъ закованными въ цѣпяхъ были увезены въ изгнаніе. Разсвирѣпившій побѣдитель не щадилъ ни женщинъ, ни дѣтей. Новое плѣненіе, римское изгнаніе (Galut Edom) подъ Веспасіаномъ и Титомъ, отличалось гораздо большими ужасами и жестокостями, чѣмъ вавилонское подъ Навухаднецаромъ. Пощажены были только немногіе, которые явно или тайно были на сторонѣ римлянъ: поклонники Рима, не имѣвшіе съ самаго начала никакого чувства за національное дѣло, иродіане и ихъ приверженцы, друзья мира, видѣвшіе въ еврействѣ другую задачу, чѣмъ кровавую борьбу, разсудительные, считавшіе борьбу съ римлянами самоубійствомъ, и, наконецъ, кающіеся, которые вначалѣ считали сверженіе желѣзнаго ига римлянъ святымъ дѣломъ, но, испуганные господствомъ терроризма зелотовъ и партійной борьбой, положили оружіе и заключили съ врагомъ сепаратный миръ. Эти немногіе остатки въ еврейской странѣ и общинѣ въ сосѣдней Сириі, которые все еще надѣялись, что Титъ пощадитъ храмъ, центръ культа и религіи, были глубоко потрясены и приведены въ страшное отчаяніе его пожаромъ. Скорбь по случаю потерпѣвшаго храма охватила еще большіе круги. Разсѣянные въ Вавилоніи и въ стра-

нахъ съ греческою рѣчью, въ Египтѣ, Малой Азіи и даже въ самой Греціи, съ глубочайшей чувствительностью были привязаны къ Морію, откуда они получали указанія, относящіяся къ ихъ религіозной жизни и дѣятельности. Отъ Сіона исходило ученіе, изъ Іерусалима посредствомъ засѣдавшаго въ галлерей храма синедріона раздавалось божественное слово. Теперь послѣдній совершенно уничтоженъ, члены его или погибли, или разсѣяны. Какъ сохранится іуданзмъ, какъ ученіе и вѣроисповѣданіе, въ этомъ всеобщемъ разрушеніи? И какъ сохранить отъ раздробленія и разъединенія еврейство, которое до сихъ поръ держалось исключительно узами общаго ученія и пзвѣстныхъ постановленій? Гибель іуданзма и вмѣстѣ съ нимъ всего еврейства можно было тогда предсказать съ гораздо большею увѣренностью, чѣмъ во время вавилонскаго плѣненія.

Продолженіе существованія обонхъ можно конечно приписать чуду; но вѣдь и чудо требуетъ естественныхъ условій, чтобы оно могло проявиться. Какія же условія подѣйствовали, что могъ составиться новый тѣсный союзъ, который обнималъ все еврейство и образовалъ новый центръ?

Большое значеніе имѣло то, что населеніе, какъ незначительно оно ни было, осталось въ странѣ, что побѣдители, хотя оставили для охраны Іуден, отрѣзанной отъ провинціи Сиріи, большой военный гарнизонъ, командиръ котораго былъ въ то же время и губернаторомъ Іуден¹⁾, но не изговяли побѣжденныхъ. Положеніе оставшихся въ Іудеѣ, ни въ какомъ случаѣ, не было счастливымъ. Они должвы были трепетать предъ праждебными взорами римскихъ властей. Такъ какъ Веспасіанъ объявилъ завоеванную страну своею собственностью, то оставшіеся земледѣльцы и виноградари обязаны были брать землю въ откупъ у чужеземцевъ. Они могли повторять плачь Іереміи: „Наслѣдіе наше перешло къ чужимъ, дома наши—къ иноплеменикамъ“. Однако, у нихъ осталась, по крайней мѣрѣ, тѣнь собственнаго отечества, и это отечество считалось святою землей, наслѣдіемъ Бога. Это было утѣшеніемъ въ безграничномъ страданіи.

Какъ мнимое отечество, существовало также мнимое королевство. Агриппа II, такъ много содѣйствовавшій побѣдѣ римлянъ, былъ оставленъ Веспасіаномъ королемъ. Его владѣніемъ была Галилея, еврейскіе обитатели которой чувствовали себя лучше подъ его господствомъ. Самъ онъ жилъ въ близости императора, въ особенности цезаря Тита, чтобы осуществить свою надежду изъ номинальнаго короля Іуден обратиться въ дѣйствительнаго. Поэтому управленіе Галилеей поручено имъ было одному военному чиновнику-язычнику и гражданскому-еврею. Агриппа, повидимому,

¹⁾ S. Schürer, Gesch. d. Jud. V. 1890 I. p. 539.

былъ любимъ еврейскимъ населеніемъ страны, хотя воинственные zeloty его ненавидѣли за его привязанность къ Риму. Когда онъ, однажды, возвращаясь, вѣроятно, изъ Рима, высадился на берегъ, даже набожные послѣдники ему на встрѣчу, чтобы его лично привѣтствовать, причемъ ариониды не постѣснялись проходить по могиламъ, нарушая законъ левитской чистоты. Послѣ утраты всего возвышеннаго они хотѣли наслаждаться лицезрѣніемъ іудейскаго короля. Нѣкоторые, вѣроятно, льстили себя надеждой, что этотъ номинальный король будетъ содѣйствовать возстановленію іудейскаго государства. Ни для кого не было тайной, что Титъ страстно влюбился въ принцессу или королеву Веронику, сестру короля, былъ готовъ на ней жениться и изъ ревности велѣлъ убить одного изъ своихъ сотрапезниковъ. Конечно, прозаическій отецъ не одобрялъ такого брака, да еще съ іудейкой. Но что будетъ, если послѣ его смерти Титъ вступитъ въ правленіе и сдѣлаетъ Веронику императрицей? Было также извѣстно, что она, несмотря на свое легкомысліе, соблюдала ритуальные законы іудейства. Не употребитъ ли она всего своего вліянія для возстановленія въ Іерусалимѣ жертвенника? Нисколько не было дѣтской иллюзіей ожиданіе правовѣрныхъ, что вскорѣ будетъ воздвигнута святица.

За это мнимое, Римомъ утвержденное, королевство и за надежду на реставрацію ухватились иностранцы и туземныя общины; это на мгновеніе смягчило отчаяніе и успокоило возбужденные умы. Но къ большому успокоенію послужили появленіе и дѣятельность раби Іоханана бенъ-Закай, предначертаннаго потрясенному народу новое, оживляющее направленіе. И ему въ самомъ дѣлѣ удалось соединить въ одно цѣлое распадавшіяся составныя части.

Іохананъ былъ ученикомъ Гилела и по традиціи однимъ изъ младшихъ среди восьмидесяти учениковъ этого великаго учителя, который предсказалъ ему, что будетъ значительнѣйшимъ между ними. Въ продолженіе сорока лѣтъ онъ занимался дѣлами ¹⁾, какъ вообще гевинъ еврейской исторіи не позволяли себѣ злоупотреблять ученіемъ для добыванія пропитанія. Во время существованія государства раби-Іохананъ сидѣлъ въ синедрионѣ и училъ подъ свѣчью храма; его аудиторія въ Іерусалимѣ была весьма значительна ²⁾. Онъ былъ первымъ, который одержалъ надъ садукееями блестящую побѣду, доказавъ строгой діалектикой несостоятельность ихъ теорій ³⁾. Во время революціи онъ, вслѣдствіе своего миролюбиваго

¹⁾ Succa, p. 128. Baba Batra p. 124. Sifri конецъ. Genesis Rabba конецъ.

²⁾ Jerus. Megilla p. 73.

³⁾ Jadaim IV. 6. 7. Tosefta Jadaim конецъ; Menachot p. 65 а. Baba Batra 115. Megillat Taanit с. 1, 5, 8.

характера, принадлежалъ къ партіи мира; много разъ онъ убѣждалъ народъ и zelotovъ въ необходимости сдачи города Иерусалима и подчиненія римлянамъ. „Почему хотите разрушить городъ и предать храмъ огню?“—говорилъ онъ вождямъ революціи. Несмотря на уваженіе, которымъ онъ пользовался, zeloty, въ своемъ стремленіи къ независимости, были глухи къ его добросовѣстнымъ увѣщаніямъ. Находившіеся въ осажденномъ Иерусалимѣ шпіоны римскаго полководца не замедлили ему сообщить, что раби Іохананъ принадлежитъ къ друзьямъ римлянъ и онъ уговариваетъ главарей возстанія къ миру. Извѣстія изъ города писались на маленькихъ запискахъ и посредствомъ стрѣлъ бросались въ римскій лагерь. Сграхъ передъ бѣшеннымъ фанатизмомъ партіи zelotovъ или желаніе обезпеченія іуданству безопаснаго убѣжища толкнули раби Іоханана къ переходу въ римскій лагерь. Но удаленіе изъ города при недремлющемъ окѣ подозрительныхъ zelotovъ было трудно привести въ исполненіе; поэтому, съ вѣдома и согласія одного вождя zelotovъ, бенъ-Ватіаха, его родственника, раби Іохананъ притворился мертвымъ; его уложили въ гробъ, куда положили кусокъ гнилого мяса, чтобы трупнымъ запахомъ ввести въ заблужденіе стражу, и его ученики, Эліезеръ и Іопуга, при наступленіи сумерекъ вынесли его. У городскихъ воротъ стража однако подозрительно отнеслась къ этой процессіи и готова была открыть гробъ. Лишь настойчивое увѣщаніе ея вождя, бенъ-Ватіаха, не согрѣшить оскверненіемъ оставковъ высокопочитаемаго учителя заставило ее отказаться отъ своего намѣренія. Римскій полководецъ оказалъ бѣглецу радушный приѣмъ и обѣщаль ему исполненіе какой либо просьбы его. Раби Іохананъ скромно попросилъ разрѣшить ему открыть въ Явиѣ учебное заведеніе. Противъ такой невинной просьбы римскій полководецъ не нашелъ ничего для возраженія, такъ какъ онъ не могъ предполагать, что отъ этого маловажаго акта слабое еврейство будетъ въ состояніи на тысячелѣтія пережить могучій, желѣзный Римъ. По еврейскому источнику, этимъ полководцемъ былъ не Титъ, а Весиасіанъ, милостивое обращеніе котораго объясняется тамъ еще тѣмъ, что раби Іохананъ предсказалъ ему достиженіе императорской короны. У раби Іоханана это предсказаніе было не слѣдствіе дара пророчества, а убѣжденіе изъ толкованія словъ пророка (Іешая 10, 34): „Ливанъ (храмъ) надеть отъ коронованной особы“¹⁾. Эта черта должна быть тѣмъ менѣе обойдена въ изложеніи, что историкъ Іосифъ Флавій, который изъ личныхъ интересовъ продалъ себя римлянамъ, рассказываетъ о себѣ то же

¹⁾ Abot de R. Nathan c. 4. Midrasch Kohelet edit. Frankfurt. 64. Gittin p. 56. Въ послѣднемъ мѣстѣ простой фактъ миончески разукрашенъ. Это повѣствованіе становится невѣроятнымъ, если извѣстить, что Весиасіанъ вовсе не осаждалъ Иерусалимъ, а сталъ раньше императоромъ.

самое ¹⁾). Изъ лести римскимъ повелителямъ и тщеславію, Флавій хвастался, что предсказалъ Веспасіану достиженіе короны, ссылаясь на данный ему Богомъ даръ пророчества.

Раби Іоханавъ поселился со своими учениками въ Явиѣ или Ямніи, городъ, расположенномъ недалеко отъ берега Средиземнаго моря, между портовымъ городомъ Іоппе и бывшимъ городомъ филлестимлянъ Асдодъ, на римской территоріи. Это былъ древній довольно значительный городъ, складочное мѣсто для импорта и экспорта пшеницы. Нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на преданіе, что въ Явиѣ еще раньше существовало учебное заведеніе; однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что важное значеніе Явины началось лишь послѣ разрушенія Іерусалима ²⁾). И послѣ поселенія р. Іоханана не было возможности думать о дѣятельности, пока ожесточенная борьба неистовствовала у стѣнъ Іерусалима, на его улицахъ и вокругъ храма. Когда поступила вѣсть о паденіи города и гибели храма въ огнѣ, р. Іоханавъ и его ученики разорвали на себѣ одежду, горевали и рыдали, точно лишились близкаго родственника. Но учитель со своими учениками не отчаявался, потому что онъ признавалъ, что сущность іудаизма не связана съ храмомъ и алтаремъ неразрывно, чтобы погябнуть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ утѣшалъ своихъ учениковъ, скорбѣвшихъ объ утратѣ мѣста умилостивленія замѣчая, что „благодѣтельность“ замѣняетъ жертвы, какъ сказано въ священномъ Писаніи: „Я нахожу удовольствіе въ благодѣтельности, а не въ жертвахъ“ ³⁾). Этотъ свободный взглядъ на значеніе жертвоприношенія далъ ему ясно понять, что необходимо прежде всего вмѣсто храма образовать новый центръ. Для этой цѣли онъ созвалъ въ Явиѣ синедріонъ, председателемъ котораго избрали его, такъ какъ онъ былъ единственный оставшійся ученикъ Гилела, а Гамалиль, сынъ патріарха Симона, принявшаго дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи, былъ еще несовершеннолѣтнимъ. Созванный вновь синедріонъ не былъ въ полномъ составѣ изъ семидесяти членовъ и долженъ былъ имѣть совершенно другой кругъ дѣятельности, чѣмъ іерусалимскій во время революціи, которому въ силу обстоятельствъ предоставлены были важнѣйшія политическія дѣла. Основатель передалъ Ямнійскому синедріону прежде всего религіозную верховную власть, принадлежавшую іерусалимскому, съ которой вмѣстѣ съ тѣмъ связаны были судейскія функція верховнаго трибунала. Только огромный авторитетъ р. Іоханана могъ совершить такое дѣло, какъ созданіе и утвержденіе синедріона при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Онъ долженъ былъ выступить противъ господство-

¹⁾ Іуд. войны III. 8.

²⁾ Abot de-R. Nathan c. 4; b. Gittin p. 56. a.

³⁾ Abot de R. Nathan, тамъ же.

вавшего мѣня, что составъ синедріона пользуется своимъ правомъ только въ галлерей храма (Lischchat ha-Gasit), въ же этого мѣста онъ лишается своего законодательнаго и рѣшающаго характера и перестаетъ быть представителемъ націи. Синедріонъ и его функціи считались до того лишь существенной частью жизни храма и безъ него были совершенно немислимы. Перенесши функціи синедріона изъ храма въ Явву, р. Іохананъ этимъ актомъ освободилъ іудейство отъ культа жертвоприношеній и сдѣлалъ его самостоятельнымъ. Не встрѣтивъ нигдѣ протиподѣйствія, Явна отнынѣ вполнѣ замѣнила Іерусалимъ, ставши религіознымъ и національнымъ центромъ для разсѣянныхъ общинъ. Самая важная функція синедріона, объединявшая иноземныя общины, именно: опредѣленіе новолунія и времени наступленія праздниковъ, стала исходить изъ Явны, пользовавшейся большинствомъ преимуществъ, присвоенныхъ священному городу; между прочимъ, было разрѣшено и здѣсь трубить изъ бараньяго рога въ день новаго года, когда онъ совпалъ съ субботой, какъ прежде въ священномъ городѣ.¹⁾ Коллегія синедріона отнынѣ носила названіе Бетъ-дняъ (верховный судъ), предсѣдатель назывался Рошъ-бетъ-дняъ, имѣя титулъ Рабанъ, т. е. общій учитель. Верховному суду р. Іохананъ предоставилъ заповѣданіе составленіемъ календаря, бывшее прежде почетной функціей предсѣдателя, такъ что свидѣтели, которые должны были показывать появленіе новолунія, обязаны были явиться уже не къ предсѣдателю, а въ засѣданіе верховнаго суда.²⁾ Это нововведеніе было важнымъ шагомъ къ признанію синедріона самостоятельнымъ и независимымъ отъ личности предсѣдателя. Преданіе насчитываетъ девять постановленій, изданныхъ р. Іохананомъ; большинство изъ нихъ относится къ отмѣнѣ такихъ, которыя послѣ разрушенія храма потеряли свое значеніе, но въ память храмовой жизни онъ сохранилъ нѣкоторые религіозные обычаи, какъ то: праздничный букетъ на всѣ семь дней праздника и снятіе обуви священниками предъ совершеніемъ благословленія³⁾.

Съ меньшей энергіей онъ заботился о продолженіи и сохраненіи іудаизма, распространяя ученіе и укрѣпляя основы еврейства. Въ аудиторіи онъ прежде всего дѣйствовалъ на своихъ учениковъ, на которыхъ переносилъ свой духъ и знаніе. Пять изъ отличившихся его учениковъ получили извѣстность, изъ которыхъ три только сохранили ее, а именно: упомянутые Эліезеръ и Іошуа, доставившіе его въ гробъ изъ Іерусалима въ римскій лагерь, и рядомъ съ ними Элеазаръ б.-Арахъ; также слѣдующій за нимъ патриархъ Гамалиилъ былъ его ученикомъ⁴⁾. Выдающимся и значительнѣйшимъ изъ нихъ былъ Элеазаръ б.-Арахъ, о которомъ шла молва, что, если его поставить на одну чашу вѣсовъ, а его соучениковъ на другую, то онъ перевѣситъ ихъ

¹⁾ Rosch ha-Schana, p. 29.

²⁾ Sotah 40 a; Rosch-ha-Schana т. же.

³⁾ Т. же p. 31 b.

⁴⁾ Baba Batra p. 10 b.